
Два русских эстета глазами одного британского фарисея. Рецензии У.Х. Одена о Леонтьеве и Чаадаеве

© 2020 г. Н.А. Червяков

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет,
Москва, 119991, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.*

E-mail: kola.cska2@mail.ru

Поступила 01.09.2019

В статье впервые на русском языке представлены две рецензии британского поэта и критика Уистена Хью Одена о русских философах Константине Леонтьеве и Петре Чаадаеве. Данные рецензии были написаны для американской газеты «The New Yorker» в начале 1970-х гг., однако только одна из них (о Леонтьеве) была тогда опубликована. Рецензия о Чаадаеве была опубликована только спустя десять лет после смерти Одена. Поводом для написания рецензий стал выход в английском переводе собраний избранных сочинений Леонтьева и Чаадаева. Обе рецензии Одена представляют собой критические очерки о достоинствах и недостатках философских идей русских мыслителей. Также Оден анализирует разные стороны творчества философов, пытается уловить внутреннюю логику личного развития. Однако это не мешает ему вступать с русскими философами в полемику, приводить собственные аргументы, а также освещать современную политическую ситуацию. Способ работы Одена – цитирование чужих идей – обеспечивает насыщенность и яркость его рецензий. В работах Одена Леонтьев и Чаадаев становятся неожиданно близкими персонажами в истории русской философии – эстетам, признающими необходимость усиления власти государства. Таким образом, данные работы У.Х. Одена имеют большое значение для сопоставления этих двух фигур, а также являются важными историческими, эстетическими и литературными документами эпохи. В предисловии и комментариях воссоздается биографический и научный контекст появления этих рецензий.

Ключевые слова: Уистен Хью Оден, Константин Леонтьев, Петр Чаадаев, история, власть, церковь.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–6–126–138

Цитирование: *Червяков Н.А.* Два русских эстета глазами одного британского фарисея. Рецензии У.Х. Одена о Леонтьеве и Чаадаеве // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 126–138.

Two Russian Aesthetes in the Eyes of One British Pharisee. W.H. Auden's Reviews on Leontiev and Chaadayev

© 2020 Nikolay A. Chervyakov

*Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University,
27/4, Lomonosovskiy av. GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.*

E-mail: kola.cska2@mail.ru

Received 01.09.2019

The article presents for the first time W.H. Auden's two reviews on Russian philosophers Konstantin Leontiev and Peter Chaadayev. Auden wrote these reviews for the American newspaper "The New Yorker" in early 1970s but the only one of them (on Leontiev) was published. Review on Chaadayev was only published in 1983, ten years after Auden's death. The reason for writing was a publication Leontiev's and Chaadayev's selected works in English. Both reviews are the critical essays about advantages and disadvantages of their philosophical ideas. Auden studies closely the different sides of Russian philosophers' works, tries to comprehend their values in the life, and to catch the internal logic of their intellectual and personal development as well. However, Auden is ready to dispute with Russian thinkers, to advance arguments, and to illuminate the contemporary political situation. Auden's mode of operation – the citation of ideas – helps his reviews. Leontiev and Chaadayev become very close figures of Russian philosophy in them – both of them are aesthetes which think that the government has to be more powerful. So, these reviews are of great importance. They are also the historical, aesthetic and literary documents of the period. The biographical and scientific contexts Auden's reviews are reconstructed in the preface and commentaries.

Keywords: Wyston Hugh Auden, Konstantin Leontiev, Peter Chaadayev, history, authority, Church.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–6–126–138

Citation: Chervyakov, Nikolay A. (2020) "Two Russian Aesthetes in the Eyes of One British Pharisee. W.H. Auden's Reviews on Leontiev and Chaadayev", *Voprosy filosofii*, vol. 6 (2020), pp. 126–138.

О том, что у великого английского поэта и эссеиста Уистена Хью Одена (1907–1973) был, словами Льва Лосева, «некий личный "русский сектор"», известно давно. Он превосходно знал русскую классическую литературу. Оденевскому (и Честера Каллмана) перу принадлежит либретто оперы Игоря Стравинского «Похождения повесы». Но словесностью и музыкой знакомство его с русской культурой не ограничивалось.

Как вспоминал в беседах с Соломоном Волковым Иосиф Бродский, близко общавшийся с английским поэтом, «...Оден написал вполне одобрительную рецензию на том Константина Леонтьева¹, переведенный на английский» [Лосев 2006, 307]. Речь идет об опубликованной 4 апреля 1970 г. в газете «The New Yorker» рецензии под названием «Русский эстет» («A Russian Aesthete»). По всей видимости, написать отзыв на эту книгу попросил Одена Юрий Иваск (для американцев – Джордж), главный инициатор издания леонтьевского наследия в Америке.

Если для литературоведов, особенно тех, кто занимается творчеством Бродского, факт наличия этой рецензии всегда был в поле зрения, то философы о ней слышали не так много, если вообще что-то слышали. Кажется, только Владимир Бибахин в 1989 г.

в статье, посвященной Константину Леонтьеву, украдкой пересказывает оденовскую рецензию (см.: [Бибихин 2003, 100–101]).

Но ведь у Одена помимо рецензии о Леонтьеве есть еще одна статья, посвященная русскому философу – Петру Яковлевичу Чаадаеву. Правда, о ней, похоже, уже совсем никто не слышал, а читали ее только единицы. Дело в том, что эта рецензия (а это тоже была рецензия) не прошла полный издательский путь, иначе говоря, по невыясненным обстоятельствам не была опубликована, как планировалось, в той же газете «The New Yorker». Написанная в марте 1973 г., за несколько месяцев до смерти Одена, она десять лет пролежала в архиве поэта, пока не была извлечена на свет американским историком русской философии Джорджем Клайном [Kline, Auden 1983].

В этой рецензии с броским названием «Белая ворона» («An Odd Ball») Оден обзревает том сочинений Чаадаева², переведенный на английский язык Мари-Барбарой Целдин.

Однако не стоит питать иллюзий. Всерьез Оден никогда не изучал русскую философию. Его размышления в указанных рецензиях – это всего лишь комментарии, сходили, сопровождаемые (такими привычными для Холодной войны) инвективами в адрес советской власти. Но, наверное, уже со времен Порфирия жанр комментария стал философски оправданным. А посему не стоит незаслуженно обвинять Одена в поверхностности, тем более что он не стесняется вступать в заочный спор с Леонтьевым и Чаадаевым. И к тому же «...когда мы читаем образованного критика, больше пользы приносят выбранные им цитаты, чем его комментарии» [Оден 2016, 40].

Большим недоразумением представляется тот факт, что русскому читателю, дабы ознакомиться с рецензиями Одена о русских философах, нужно их сначала отыскать (что не так просто), а затем читать на хоть международном, но все-таки не родном языке. Данная публикация призвана исправить этот недочет.

Оба – Леонтьев и Чаадаев – были философами эстетствующими. Недаром Пушкин, подчеркивая щегольство и дендизм Евгения Онегина, зовет его «вторым Чаадаевым», а Николай Бердяев в работе «Русская идея» характеризует Леонтьева как «первого русского эстета». Тем удивительнее: Одену, человеку сдержанному и «выросшему британским фарисеем», пришлось иметь дело с такими яркими русскими философами.

Леонтьев для Одена оказывается существом с другой планеты. Ему непонятно, как юноша в расцвете сил может просиживать ночи напролет в фаустовском изнеможении. Оден с медицинской точностью определяет источник леонтьевского недовольства – бесцветность, тусклость западной цивилизации и окончательная, предсказанная Герценом, победа мещанства. Выход из этой ситуации Леонтьев видит в ужесточении законов и государства, с чем полностью не согласен Оден, для которого свобода человека остается решающим фактором общественного развития.

Литературная критика Леонтьева оказалась более привлекательной для английского поэта. Оден сравнивает его с австрийским писателем и публицистом Карлом Краусом и признается, что Леонтьев – один из лучших критиков, которых он когда-либо читал.

К Чаадаеву у Одена особый интерес – из-за его богатой биографии, с которой может сравниться, пожалуй, только биография другого знаменитого денди – лорда Байрона. Но взгляд Одена остается трезвым и честным. Он признает, что именно Запад спровоцировал великий раскол 1054 г. и, по итогу, силой присвоил себе власть на континенте. Но это, конечно, не оправдывает официального закрепощения крестьян в Соборном уложении 1649 г.

Оден обеспокоен тем, к какому выводу приходит Чаадаев – к признанию необходимости подчинения власти, сосредоточенной в руках одного человека. Полицейское государство Николая I превращается в «полицию» Рансьера, где каждый гражданин «проявляет мудрость», признавая законной единоличную власть. Отсюда Оден делает вывод: «Возможно, Чаадаев подобными преувеличениями хотел всего лишь снискать расположение царя. Или, возможно, он был большим славянофилом, чем подозревал». Вряд ли человек, на всю страну признанный сумасшедшим и не имеющий возможности публиковаться, мог реабилитироваться перед Николаем I. Потому второе предположение оказывается верным, что еще раз доказывает чуткость оденовского взгляда.

Однажды Исая Берлин сказал, что «...Оден не интересовался русской поэзией, Россией. Совсем нет» [Лосев 2006, 307]. Даже если Берлин был прав (хотя верится в это с трудом), это не означает, что русской мысли, в том числе философской, не должен быть интересен Оден.

Перевод рецензии о Леонтьеве сделан по изданию [Auden 1973]. Перевод рецензии о Чаадаеве сделан по указанной статье Джорджа Клайна. Также сохранены некоторые примечания Клайна.

Русский эстет

Поскольку я не знаю русского языка, все, что я могу сказать о переводе Джорджем Риви³ собрания избранных сочинений Константина Леонтьева под заглавием «Против течения» («Against the Current»), – оно читается легко и живо. Джордж (Юрий) Иваск, имея в распоряжении ограниченное количество страниц, по-видимому, пытался показать Леонтьева во всех его проявлениях – как мемуариста и писателя автобиографических романов, как автора очерков о Ближнем Востоке, как политического мыслителя и как литературного критика. Почти все избранные отрывки представляют интерес, однако мне бы хотелось, чтобы больше страниц было уделено литературной критике, даже если это нанесет ущерб другим разделам. Леонтьевские взгляды на многие вещи, мягко говоря, нелепы, но его литературная критика вполне здравая. Леонтьев – один из лучших критиков, которых я читал. В книге «Эссе в русской литературе: консервативный взгляд» («Essays in Russian Literature: The Conservative View»), изданной и переведенной Спенсером Э. Робертсом⁴ (Ohio University Press, 1968), полностью содержится леонтьевское эссе о романах Толстого, к которому я бы советовал обратиться читателям, заинтригованным небольшим отрывком в данном издании.

Леонтьев родился в 1831 г. в семье мелкого дворянина. Изучал медицину в Московском университете, служил военным врачом во время Крымской войны, затем стал сельским врачом. После женитьбы оставил медицину и поступил на службу в Министерство иностранных дел, провел десять лет на Ближнем Востоке и после «чудесного» исцеления от дизентерии или холеры, во время молитвы Божией Матери, стал набожным православным. В 1874 г. он возвратился в Россию, и с 1880 по 1887 г. служил в Московском цензурном комитете. После этого переехал в Оптину пустынь и в 1891 г., перед смертью, принял постриг. В 1851 г. он познакомился с Тургеневым, которого сумел впечатлить своим талантом, однако позднее они рассорились из-за политических разногласий. Его книги, похоже, не получили должного внимания, однако в последний год жизни Леонтьев обрел в лице Василия Розанова, бывшего на двадцать пять лет его младше, своего искреннего почитателя.

По какой-то таинственной причине мать Леонтьева вышла замуж не за того человека, которого любила, а за брата последнего, ею нелюбимого. Сын, без сомнения, разделял эту неприязнь к отцу:

...Отец мой был из числа тех легкомысленных и ни к чему не внимательных русских людей (и особенно прежних дворян), которые и не отвергают ничего, и не держатся ничего строго. Вообще сказать, отец был и не умен, и не серьезен⁵.

Мать же он обожал и восхищался ею. Показательны причины такого отношения:

Она была несравненно изящнее отца; а для меня это по врожденному инстинкту было очень важно!⁶

Матери, по его признанию, он обязан

...уроками патриотизма и монархического чувства, примерами строгого порядка, постоянного труда и утонченного вкуса в ежедневной жизни⁷.

То есть Леонтьев был и по натуре, и по жизненному выбору эстетом и нарциссом. Эстеты и нарциссы встречаются повсюду, но Леонтьев был к тому же и русским, а для меня, выросшего британским фарисеем, русский народ совсем не похож на другие

народы. Если судить по русской литературе девятнадцатого века, то нет более разных народов, чем русский и британский (американцы, возможно, ближе к русским: я могу вообразить русского «Моби Дика», но не «Чувство и чувствительность»). Когда я читаю даже таких великих русских писателей, как Толстой и Достоевский, раз за разом у меня вырывается: «Боже мой, да этот человек спятил!». Во введении Иваск приводит слова Александра Блока: «Жить стоит только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни». Как это не похоже на совет Черной Королевы Алисе: «Если не знаешь, что сказать, говори по-французски! Когда идешь, носки ставь врозь! И помни, кто ты такая!»⁸ Или на определение одного англиканского епископа: «Ортодоксия – это сдержанность». А в британском английском слово «восторженный» (enthusiastic) даже сейчас остается негативно окрашенным. Поэтому из русских писателей нам больше по нраву Тургенев и Чехов, хотя я подозреваю, что хорошо переведенный Пушкин даже больше бы понравился англичанам.

Леонтьев превозносит добродетели порядка и постоянного труда, но сам им не следует:

...борьба идей в уме моем была до того сильна в 1862 году, что я исхудал и почти целые петербургские ночи проводил нередко без сна, положивши голову и руки на стол в изнеможении страдальческого раздумья⁹.

Ни один англичанин не способен на такое. Когда читаешь о русской жизни, в ее прошлом и настоящем, создается впечатление, будто протестантская этика с ее самодисциплиной, рассудительностью и строгим распорядком дня совсем не коснулась России. Что это такое – причина или следствие деспотизма, под которым всегда жили русские люди? Леонтьев говорит, что в России

...только то и становится прочным, что, повторяю, несколько насильственно и искусственно создано правительством¹⁰.

Это справедливо как для современной ленинско-сталинской России, так и для России времен Петра I и Екатерины II.

Западные эстеты всегда придерживались правила «искусство ради искусства»: они намеренно закрывали глаза на сферы политического и социального. Леонтьев – и это делает ему честь – никогда подобным не занимался: «Черт его возьми искусство – без жизни!». Однако любой эстет, если он озабочен проблемами общества и к тому же убедительно критикует его в соответствии с идеалами искусства, почти всегда несет вздор, даже губительный вздор, когда дело касается конкретных предположений по разрешению проблем в обществе. Ум эстета зачастую взбудоражен какой-то незаурядной личностью, выдающимся поступком или удивительным событием. Вопросы о добре и зле, справедливости и несправедливости здесь отступают. Лично я не верю, что художники могут совершенно игнорировать этические вопросы, но в произведении искусства истина и добро уступают место красоте. В сферах же политического и социального все наоборот: правительство и общество по неведению могут игнорировать эстетическое, но всегда для них вопрос о справедливости оказывается приоритетным. А красотой и статью восхищаться можно при любых условиях. Леонтьев пишет:

Джеффер-Дэм был еще молод и чрезвычайно красив. Он был приятно круглолиц, очень смугл и очень свеж; во всей его особе, в огромных темных очах, в небольших черных усах, подкрученных кверху, в стройном стане, в тихой, неспешной, величавой походке, в белых руках, заложенных покойно за спину, было так много чего-то необъяснимого, породистого, тихо-гордого, тайно-самодовольного, что я тебе выразить не могу!¹¹

Но когда, как в этом случае, такой красотой обладает жестокий убийца, следует признать, что ради общественного спокойствия можно и потерпеть плохой вид рядового банковского клерка в потертом сюртуке. Или еще:

– Желали бы вы, чтобы во всем мире люди жили в одинаковых, чистых и удобных домиках, – вот как в наших новороссийских городах живут люди среднего состояния?

Пиотровский ответил:

– Конечно, чего же лучше?

Тогда я сказал:

– Ну так я не ваш отныне! Если к такой ужасной прозе должны привести демократические движения, то я утрачиваю последние симпатии свои к демократии. Отныне я ей враг!¹²

Пиотровский¹³, конечно, ошибался, видя в пригородах Утопию, но он был абсолютно прав в том, что пригороды лучше трущоб. Леонтьеву, кстати, не пришлось жить ни там, ни там.

При оценке социальной и политической жизни всякий эстет упускает тот факт, что, несмотря на уникальность каждого человеческого существа, лишь немногие оказываются незаурядными личностями (по своим взглядам, таланту или характеру). Обычному человеку несвойственно стремление к незаурядности, и, как правило, такой человек сам это понимает. Драматург свободен в подборе актеров, и его не беспокоит остальная часть человечества. Политик же не может никого игнорировать, и, поскольку обычные люди составляют большинство, именно они являются для него главной заботой. Игнорирование в политике зачастую означает угнетение и убийства.

У Леонтьева были свои предложения на этот счет – по крайней мере, для России, хотя, честно говоря, не думаю, что он надеялся на то, что они будут услышаны:

Государство должно быть пестро, сложно, крепко, сословно и с осторожностью подвижно. Вообще сурово, иногда и до свирепости.

Церковь должна быть независимее нынешней... Церковь должна смягчать государственность, а не наоборот...

Законы, принципы должны быть строже; люди должны стараться быть лично добрее; одно уравновесит другое¹⁴.

Приходя к подобным заключениям, Леонтьев берет аналогии не из процесса художественного творчества, как можно было бы ожидать, а из биологии. К сожалению, эти биологические аналогии обманчивы. Живой организм действительно по необходимости является самим собой – дуб не может стать бабочкой, – но неправильно называть эту необходимость «деспотизмом», ведь она бессознательна, тогда как деспотизм насаждается сознательно. Казалось бы, все социальные структуры, подобно живым организмам, смертны, так что можно говорить о подъеме, цветении и разложении конкретных обществ, вроде Римской империи, но нужно быть осторожным. Как любой другой биологический вид, человечество потенциально бессмертно. Правда, в отличие от всех остальных видов, человек существо историческое, его сущность не исчерпывается поведенческими привычками. Такое социальное насекомое, как пчела, не может изменить образ жизни в улье. Человек же постоянно изменяет свою жизнь. Когда какое-то общество исчезает, люди не исчезают вслед за ним, но, так или иначе, становятся членами нового общества. Кто-то может предпочесть *одно общество другому*, но они все равно остаются *человеческими* обществами.

Сегодня, когда слово «либеральный» скомпрометировано, нам, может быть, даже проще выслушивать нападки Леонтьева на либеральную философию, чем его современникам. Уже никто не станет спорить с тем, что мир, который мы строили два последних столетия, оказался ужаснее всех предыдущих форм устройства. И я думаю, никто больше не верит в либеральную догму о Прогрессе, что, мол, все изменения к лучшему. Напротив, большинство людей, и молодых, и взрослых, утрачено тем, что может принести с собой будущее. Такие «реакционеры» девятнадцатого века, как Кьеркегор, Ницше и Леонтьев, предсказывали, что либерализм в случае своего успеха может создать монотонное общество, «массового человека» Ортеги-и-Гассета, и их пророчества, как мы знаем, сбылись. Однако истинные намерения либерализма были иными. Либералы надеялись, что политическая свобода поспособствует разнообразности, что каждый индивид, гарантированно защищенный равенством перед законом и равенством возможностей, имеющий большой достаток и освобожденный от угнетения,

сможет сам выбирать свой путь. Крах либеральных надежд объясняется двумя неполитическими причинами.

Во-первых, развитием технологий. Создатели философского либерализма (в первую очередь, Локк) жили в восемнадцатом веке, то есть до индустриальной революции. Их образ мыслей был соответствующим: общество для них состояло, в первую очередь, из земледельцев и ремесленников. У машин нет политических мнений, зато есть серьезные политические следствия. Машины требуют определенного распорядка жизни, который приводит к упразднению ручного труда, а это превращает большинство трудящихся из работников в рабочих. Становится все меньше и меньше профессий, преуспевание в которых способно вызвать гордость и удовлетворение, и все больше и больше безынтересных, ценившихся только за прибыльность профессий. Леонтьев, как и Герцен, был шокирован приземленным материализмом и филистерскими замашками европейского рабочего класса. Но что могли поделать люди, никогда не знавшие иного удовольствия от работы, кроме денег и потребления товаров?

Во-вторых, либералы недооценили стремление людей к общности, исходящее из страха не понравиться соседу или остаться в одиночестве из-за своих необычных взглядов и вкусов. Как признавали критики либерализма, классовые общества предыдущих времен более, чем наше эгалитарное общество, разнообразны и выверены с точки зрения общественного устройства. Однако эта разнообразность была возможна только потому, что классовая структура вынуждала классы жить, одеваться и думать по-разному. Внутри каждого класса, будь то аристократы или крестьяне, стремление к общности было, вероятно, не менее сильно, чем сегодня, когда узкие брюки и длинные волосы для протестующих хиппи обязательны так же, как костюм от Brooks Brothers и стрижка ежиком для младшего руководителя в компании.

Перед тем как перейти к литературной критике Леонтьева, я, кажется, должен сказать пару слов о его отношении к христианской вере и церкви, хотя рассказывать об этом мне не очень хочется, я нахожу это отношение отвратительным. Он, по-видимому, был из того типа людей, которые колеблются между распушенной жизнью и плачем о собственных грехах, но не из подлинного раскаяния, а из страха перед Адом. Фу!

Леонтьев по призванию – писатель, совсем не политический мыслитель, и когда он рассуждает о литературе, его мысли полны профессионализма. Так как он верил, что жизнь важнее, чем искусство, его литературные предпочтения были на стороне реализма, пытающегося правдиво изобразить действительный мир, в котором мы живем. Так, сравнивая «Войну и мир» с «Анной Карениной», он пишет:

Так ли общее веяние «Войны и мира» верно духу и стилю жизни 12-го года, как веяние «Анны Карениной» верно духу и стилю нашего времени? Мне кажется, что не так верно¹⁵.

Объясняя свою мысль, Леонтьев пытается вообразить, какой бы была «Война и мир», будь она написана Пушкиным. Конечно, утратилась бы величественность, но зато прибавилась бы «реалистичность»:

Пушкин не стал бы даже (вероятно) называть от себя бегущих в каретах и шубах маршалов и генералов французских «злыми и ничтожными людьми, которые наделали множество зла», как «в душе» не называли их, наверное, в 12-м году те самые герои русские, которые гнали их из Москвы и бранили их по страсти, а не по скучно-моральной философии¹⁶.

Леонтьев ненавидел (и я его искренне поддерживаю) натурализм, в котором «реальное» отождествляется с низменным и безобразным. Как Карл Краус, Леонтьев критикует без обобщений, но всегда точно и конкретно: он выделяет фразы, привычки в письме, даже отдельные слова, которые свидетельствуют о литературных недостатках того или иного автора:

Когда у Толстого Иван Ильич ходит «на судно» – это ничего. Иван Ильич – больной, умирающий человек. Мне это здесь нравится. А когда у Гоголя Тентетников,

просыпаясь по утрам, все лежит и все «протирает глаза», а глаза у него «маленькие», – то это и очень гадко и ненужно...

Когда замужняя Наташа в конце книги выносит показывать в гостиную детские пеленки, на которых пятно из зеленого стало желтым, то хоть это и весьма некрасиво и грубо, – но оно здесь кстати; оно имеет большое значение... Но, когда Пьер «тетёшкает» (непреренно тетёшкает. Почему же не просто «нянчить?») на большой руке своей (эти руки!!) того же ребенка, и ребенок вдруг мараёт ему руки – это ничуть не нужно, и ничего не доказывает... Это безобразие для безобразия.

Эти повторения: «торопливо», «невольню», «невольню», «чуждый», «чуждый», «нервно», «нервно», «пухлое», «пухлое» и так далее, «сочный рот», «беззубый рот»; эти частые психические подсматривания и ненужные наблюдения телесные – в громком чтении, не только у Толстого, но и у большинства лучших наших авторов – у Тургенева, Писемского, Достоевского – иногда просто несносны!¹⁷

Почему-то Леонтьев считал, что русские писатели и читатели более склонны к подобному «ковырянию», чем иностранцы:

Нужно, например, сказать, что одно из действующих лиц мужского пола чего-нибудь испугалось. Англичанин скорее всего скажет просто, не преувеличивая ни в ту, ни в другую сторону, ни вверх, ни вниз: «Сильно испугавшись, Джемс стоял неподвижно» и так далее. Француз: «Альфред затрепетал! Смертельная бледность покрыла его прекрасное лицо... Он удалился, однако, с достоинством». Русский писатель предпочтет выразиться так: «Мой герой струсил, как подлец, и потащился восвояси». Быть может, даже еще лучше: «попер домой»¹⁸.

Первоклассные критики, в отличие от посредственных, всегда приносят дань уважения автору, даже если их критика разрушительна. Когда автор пишет не то, что нравится критику, последний пытается поставить себя на место автора и задается вопросом: «Что заставило его писать так, а не иначе?». Поэтому после нападков на склонность Толстого к «ковырянию», Леонтьев готов признать, что, как бы он ни ненавидел подобное, Толстой находит оправдание в характере и привычках читавших его людей:

Русский читатель нашего времени (особенно среднего положения в обществе)... был уж так воспитан, что при бородавке он больше поверит благородству, при сопении больше будет сочувствовать любви и так далее, а если еще при это кто-нибудь «нервным движением налил себе рюмку водки», а потом не улыбнулся, а «ослабился», то доверие будет полное!..

Толстой... сослужил читателям патриотическую службу всеми этими мелкими внешними принижениями жизни¹⁹.

Я очень надеюсь, что в скором времени будет опубликован английский перевод собрания критических статей Леонтьева.

Белая ворона

Впервые о Чаадаеве я услышал прошлым летом²⁰ от поэта Иосифа Бродского. Другие исследователи русской литературы, с которыми мне удалось говорить о Чаадаеве, вслед за Бродским, признали, что он был важной фигурой в истории русской культуры. Я попробовал найти английский перевод его сочинений, но безуспешно. Однако затем, благодаря одному из переводчиков Бродского, профессору Джорджу Клайну, мне все-таки удалось найти перевод. И хотя переводу было уже четыре года, вряд ли кто из читателей «The New Yorker» когда-нибудь слышал об этом авторе. Впрочем, как и я.

В своем замечательном введении профессор Целдин рассказывает, что многие факты из жизни Чаадаева до сих пор остаются неясными. Он родился то ли в 1792, то ли в 1796 г.²¹, имел литовские корни, умер в 1856 г. Учился в Московском университете, затем вступил в Семеновский полк, в составе которого участвовал в Бородинском сражении, также принимал участие во взятии Парижа в 1814 г. По возвращении в Россию стал близким другом Пушкина, который в стихотворении «К Чаадаеву» писал:

Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

В 1821 г. по неизвестной причине он ушел в отставку, а в 1823 г. уехал в путешествие по Западной Европе, где провел следующие три года и познакомился с Шеллингом и Герценом²². После возвращения на родину у Чаадаева возникли финансовые и политические трудности. Его восемь «Философических писем», написанных по-французски и адресованных безымянной сударыне, были окончены к 1831 г. Переходя из рук в руки, рукопись вызвала интерес и одобрение у многих читавших, но когда первое «философическое письмо» было опубликовано в журнале «Телескоп» в 1836 г. на русском языке, это привело к скандалу. Профессор Целдин называет две причины, почему так случилось:

В рукописном варианте письмо рассматривалось как конфиденциальный документ, и его читатели не искали у себя пороков, изобличаемых в письме; более того, согласие с идеями неопубликованного письма не несло никакой опасности. Тогда как публично высказывать подобные взгляды или просто защищать право иметь их, в условиях полицейского государства Николая I, означало искать себе неприятности²³.

Но за границей у Чаадаева были сторонники. К примеру, Герцен²⁴:

Это был выстрел, раздавшийся в темную ночь; тонуло ли что и возвещало свою гибель, был ли это сигнал, зов на помощь, весть об утре или о том, что его не будет, – все равно, надо было проснуться²⁵.

Результатом опубликования письма для Чаадаева стал домашний арест и постоянный надзор врача – «медицинское» исправление инакомыслящих изобретено не в современной России, – все его рукописи конфисковали, а ему запретили публиковаться. Спустя несколько месяцев он начинает писать «Апологию сумасшедшего», в которой отрекается от своих ранних взглядов (или, по крайней мере, пытается их исправить). Однако при его жизни ни «Апология сумасшедшего», ни другие «философические письма» не были опубликованы.

В своих произведениях он часто повторяется, но это, возможно, и хорошо, так как доводы его сложны, и их нелегко уловить сразу.

Наиболее сильной критике русского общества посвящены два первых его письма. Чаадаев сетует, что в России, в отличие от западных стран, отсутствуют какие-либо исторические традиции:

...мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось. Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и история человеческого духа, приведшие его во всем остальном мире к его современному состоянию, на нас не оказали никакого действия <...>

Окиньте взором все прожитые века, все занятия нами пространства, и Вы не найдете ни одного приковывающего к себе воспоминания, ни одного почтенного памятника, который бы властно говорил о прошедшем и рисовал его живо и картинно. Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем...²⁶

Виной тому он считает Великую схизму, разделившую единую христианскую церковь на Православную и Католическую:

Вопреки имени христиан, которое мы носили, в то самое время, когда христианство величественно шествовало по пути, указанному божественным его основателем, и увлекало за собой поколения, мы не двигались с места. Весь мир перестраивался

заново, у нас же ничего не созидалось <...> Хотя мы и христиане, не для нас созрели плоды христианства²⁷.

Однако в «Апологии» он признался, что было преувеличением

...не воздать должного этой церкви, столь смиренной, иногда столь героической, которая одна утешает за пустоту наших летописей, которой принадлежит честь каждого мужественного поступка, каждого прекрасного самоотвержения наших отцов²⁸.

Вряд ли Чаадаев осознавал, что схизма была по преимуществу ошибкой Запада. При взаимных уступках проблема *filioque* могла быть решена удовлетворительным для обеих сторон образом, но Запад, под давлением Франции, чересчур настаивал на своем, и после разграбления Константинополя в Четвертом крестовом походе говорить о примирении уже было невозможно.

Однако Чаадаев был совершенно прав, называя принятие крепостного права позором для России, тем более после отмены его в Европе. Также не была полностью свободной и знать: для сохранения поместий нужно было нести военную или гражданскую службу.

Письма, следующие за первыми двумя, для меня наиболее интересны – они касаются богословских проблем. Их главный тезис звучит примерно так. Если мы созданы Богом, то наши духовные и нравственные законы схожи не с юридическими, которые предписывают и наказывают, а с физическими законами, то есть с такими, от которых можно отмахнуться, но нельзя избавиться. Как, выпрыгивая из окна, я не избавляюсь от закона притяжения или, принимаясь за бутылку, от законов биохимии. Причем последствия игнорирования нравственных законов так же неминуемы, как сломанная нога или похмелье.

Тем не менее существует огромная разница между законами физического мира и законами нашей духовной жизни, жизни созданий, сотворенных по образу Божьему. Законы физического мира, которые Бог не явил, и нам пришлось открывать их самостоятельно, – это законы необходимости. Ни один атом не может ослушаться этих законов. Мы же как существа сознательные обладаем тем, что зовется свободой воли. До грехопадения нравственные законы казались столь же фундаментальными, как и законы физические. Сейчас это не так. Зачастую мы подвергаем сомнению то, что нам *следует* сделать. Но неограниченного самовластья не существует:

Вся наша активность есть лишь проявление силы, заставляющей нас стать в порядок общий, в порядок зависимости. Соглашаемся ли мы с этой силой или противимся ей, – все равно, мы вечно под ее властью <...> Так понимаем мы первооснову мира духовного и, как видите, она вполне соответствует первооснове мира физического. Но по отношению к природе первооснова эта кажется нам непреодолимой силой, которой все неизбежно подчиняется, а по отношению к нам – она представляется лишь силой, действующей в сочетании с нашей собственной силой и до некоторой степени видоизменяемой последней. <...> Поэтому разум этот отнюдь не препятствует нам, принимая свободу, как данную реальность, признавать зависимость подлинною реальностью духовного порядка, совершенно так, как мы это делаем по отношению к порядку физическому. Итак, все силы ума, все его средства познания основываются лишь на его покорности. И перед человеческим разумом стоит один только вопрос: знать, чему он должен подчиняться²⁹.

На протяжении всей истории человечество ищет это знание. Чаадаев ссылается на Паскаля, для которого «последовательная смена людей есть один человек, пребывающий вечно». И наверняка он также согласился бы со словами Гёте³⁰:

Только вся совокупность людей составляет человечество, только все силы, взятые вместе, составляют мир. Если кто-то способствует только прекрасному, а другому – только полезному, они лишь вместе составят человека.

Отсюда первостепенная для него значимость традиции, поскольку для того, чтобы знание стало достоянием человечества, должно смениться несколько поколений:

И в этой-то среде совершаются все чудеса сознания. Правда, этот сокрытый опыт веков в целости не доходит до каждой частицы человечества; но он все же составляет духовную сущность вселенной, он переливается в жилах человеческих рас, он воплощается в образовании их тел и, наконец, – служит продолжением других традиций, еще более таинственных, не имеющих корней на земле, но составляющую отправную точку всех обществ; твердо установлено, что в каждом племени, как бы оно ни обособилось от основного мирового движения, всегда находятся некоторые представления, более или менее отчетливые, о Высшем Существо, о добре и зле, о том, что справедливо и что несправедливо <...> Откуда эти представления? Никто этого не знает; предания – вот и всё; докопаться до их происхождения невозможно: дети восприняли их от отцов и матерей – вот вся их родословная³¹.

Такой взгляд, однако, признает значение (как положительное, так и отрицательное) великих личностей.

Для Чаадаева как христианина самыми важными историческими персонажами были, естественно, Моисей и Христос. Однако он был далек от признания того, что Ветхий и Новый Заветы раз и навсегда установили истинность монотеизма и догмата о Воплощении. Сама христианская традиция, непрерывно развивающаяся на протяжении веков, важна не меньше, чем Священное Писание. Например, только наука Нового времени смогла окончательно предать забвению того бога, в которого верили многие люди, искренне считавшие себя христианами, то есть в Зевса без Зевсовых пороков. С недавних пор люди перестали видеть в стихийных бедствиях «деяния господни».

Что касается Христа:

Когда Сын Божий говорил, что Он пошлет людям духа и что Он сам пребудет среди них вечно, неужели Он помышлял об этой книге, составленной после Его смерти, где, худо ли, хорошо ли, рассказано об Его жизни и Его речах и собраны некоторые записи Его учеников? Мог ли Он полагать, что эта книга увековечит Его учение на земле? Конечно, не такова была Его мысль. Он хотел сказать, что после Него явятся люди, которые так вникнут в созерцание и изучение Его совершенств, которые так будут преисполнены Его учением и примером Его жизни, что нравственно они составят с Ним *одно целое*, что эти люди, следуя друг за другом из поколения в поколение, будут передавать из рук в руки всю Его мысль, все Его существо: вот что Он хотел сказать, и вот именно то, чего не понимают³².

Также Чаадаев высоко ценил пророка Мухаммеда и, что странно, Эпикура, учение которого ему представлялось более практичным, чем стоическое, и менее расплывчатым и бессильным, чем платоническое. Как можно догадаться, он осуждал и Сократа, и Марка Аврелия, но главным злодеем для него был Гомер:

На наш взгляд, гибельный героизм страстей, грязный идеал красоты, необузданное пристрастие к земле – все это заимствовано нами у него... Одни только греки решились таким образом идеализировать и обоготворять порок и преступление, так что поэзия зла существовала только у них и у народов, унаследовавших их цивилизацию³³.

По-моему, это вздор. Я не знаю ни одного произведения, выставившего напоказ недостатки язычества лучше, чем «Илиада». Изображенные в ней олимпийские боги вызывают только жалость, никто в здравом рассудке не стал бы их почитать. Намного нравственнее богов в поэме оказываются люди – Гектор, Ахилл или Приам.

Чаадаев не был, как другие западники, революционером. Он искал решений общественных проблем в духовности и религии, в чем был схож со славянофилами, но, в отличие от них, он искал их на Западе, а не на Востоке:

Мы просто северный народ и по идеям, как и по климату, очень далеки от благоуханной долины Кашмира и священных берегов Ганга. Некоторые из наших областей, правда, граничат с государствами Востока, но наши центры не там, не там наша жизнь, и она никогда там не будет, пока какое-нибудь планетное возмущение не сдвинет с места земную ось или новый геологический переворот опять не бросит южные организмы в полярные льды³⁴.

Чаадаев, однако, не принял католичество, несмотря на свою неприязнь к схизме. Он был сторонником покорности власти высших лиц и не доверял здравому смыслу. Во время написания «Апологии сумасшедшего» Чаадаев штудировал «Историю государства Российского» Карамзина, откуда заимствовал громадное, преувеличенное почтение к Петру Великому, с которого, по его мнению, и началась подлинная русская история. В «Апологии» есть места, вызывающие сегодня беспокойство. Как, например, такая чаадаевская мысль, что поскольку именно России пришлось последней из числа великих стран стать цивилизованной, то, возможно, ей предназначено быть будущей надеждой человечества, однако исполнить эту миссию возможно только в условиях жесткого режима.

Наше могущество держит в трепете мир, наша держава занимает пятую часть земного шара, но всем этим, надо сознаться, мы обязаны только энергичной воле наших государей, которой содействовали физические условия страны, обитаемой нами.

Обделанные, отлитые, созданные нашими властителями и нашим климатом, только в силу покорности стали мы великим народом. Просмотрите от начала до конца наши летописи, – вы найдете в них на каждой странице глубокое воздействие власти, непрестанное влияние почвы и почти никогда не встретите проявлений общественной воли. Но справедливость требует также признать, что, отрекаясь от своей мощи в пользу своих правителей, уступая природе своей страны, русский народ обнаружил высокую мудрость...³⁵

Неизвестно, верят ли в мессианскую миссию России современные ее управители, но нет сомнения в том, что они верят в правомерность подчинения их воле. Возможно, Чаадаев подобными преувеличениями хотел всего лишь снискать расположение царя. Или, возможно, он был большим славянофилом, чем подозревал.

Примечания

¹ См.: [Against the Current 1969].

² См.: [Chaadayev 1969].

³ Джордж Риви (1907–1976) – ирландский поэт и переводчик русского происхождения.

⁴ Спенсер Э. Робертс (1920–2018) – американский литературовед; см.: [Roberts 1968].

⁵ В рецензиях приводятся цитаты из английских изданий [Leontiev 1969] и [Chaadayev 1969] соответственно; см.: [Leontiev 1969, 5].

⁶ См.: [Leontiev 1969, 5].

⁷ См.: [Leontiev 1969, 10].

⁸ Строки из романа Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье». Перевод Н. Демуровой.

⁹ См.: [Leontiev 1969, 143].

¹⁰ См.: [Leontiev 1969, 220].

¹¹ См.: [Leontiev 1969, 84].

¹² См.: [Leontiev 1969, 134–135].

¹³ Игнатий Антонович Пиотровский (1842–1862) – литературный сотрудник журнала «Современник».

¹⁴ См.: [Leontiev 1969, 210–211].

¹⁵ См.: [Leontiev 1969, 251].

¹⁶ См.: [Leontiev 1969, 271].

¹⁷ См.: [Leontiev 1969, 263–266, 268–269].

¹⁸ Этого отрывка нет в издании Ю. Иваска. Вероятно, Оден отсылает к уже упоминавшейся им книге «Эссе в русской литературе: консервативный взгляд» [Roberts 1968].

¹⁹ См.: [Leontiev 1969, 249–250].

²⁰ То есть летом 1972 г. Оден встретился с Бродским сразу же после прибытия того из Ленинграда 4 июня. Вскоре они стали близкими друзьями, но их дружба не оказалась длительной из-за смерти Одена 29 сентября 1973 г. О своих отношениях с Оденем Бродский в красноречивой и трогательной манере поведал в эссе «Поклониться тени». (Примеч. Д. Клайна. – Н. Ч.)

²¹ Сейчас годом рождения Чаадаева признаётся 1794 г.

²² Разумеется, Оден ошибся, включив Герцена в круг знакомства Чаадаева в Западной Европе в период с 1823 по 1826 г. В это время Герцен был еще подростком (одиннадцати-четырнадцати лет) и жил в России. (Примеч. Д. Клайна. – Н. Ч.)

²⁵ См.: [Chaadaev 1969, 12].

²⁴ Оденское утверждение «За границей у Чаадаева были сторонники. Например, Герцен» подразумевает, что Герцен в 1836–1837 гг. поддерживал Чаадаева за границей. Однако это ошибочно по двум причинам. Первая – Герцен впервые попал за границу в 1847 г., после чего на родину уже не возвращался. Вторая – приводимый Оденотрывок из «Былого и дум» был опубликован после смерти Чаадаева. (Примеч. Д. Клайна. – Н.Ч.)

²⁵ См.: [Chaadaev 1969, 14].

²⁶ Цитаты из первого Философического письма. См.: [Chaadaev 1969, 34, 36].

²⁷ См.: [Chaadaev 1969, 43].

²⁸ См.: [Chaadaev 1969, 176].

²⁹ См.: [Chaadaev 1969, 69–70].

³⁰ См.: Строки из романа И.В. Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера». Перевод Н. Касаткиной.

³¹ Цитата из пятого Философического письма. См.: [Chaadaev 1969, 97–98].

³² Цитата из седьмого Философического письма. См.: [Chaadaev 1969, 158].

³³ См.: [Chaadaev 1969, 150].

³⁴ Цитата из «Апологии сумасшедшего». См.: [Chaadaev 1969, 171].

³⁵ См.: [Chaadaev 1969, 177–178].

Ссылки – Reference in Russian

Бибихин 2003 – *Бибихин В.В.* Константин Леонтьев // *Бибихин В.В.* Другое начало. СПб.: Наука, 2003. (Сер. «Слово о сущем» Т. 47.) С. 94–128.

Лосев 2006 – *Лосев Л.В.* Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2006.

Оден 2016 – *Оден У.Х.* Чтение. Письмо. Эссе о литературе / Пер. А. Курт, Б. Дубина, Н. Усовой, Г. Шульпякова. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2016.

References

Auden, Wiston H. (2016) 'Reading. Writing. Essays on Literature'. Trans. A. Kurt, B. Dubin, N. Usova, G. Shul'pyakov. Izdatel'stvo Ol'gi Morozovoj, Moscow (Russian Translation).

Auden, Wiston H. (1973) Russian Aestate, Forewords and Afterwords, Random House, New York, pp. 274–282.

Bibikhin, Vladimir V. (2003) Konstantin Leontiev, Bibikhin Vladimir V. The Different Origin, Nauka, Saint Petersburg, pp. 94–128 (in Russian).

Chaadayev, Pyotr Y. (1969) Philosophical Letters and Apology of a Madman, Trans. Mary-Barbara Zeldin, The University of Tennessee Press, Knoxville.

Kline, George L. (1983) W.H. Auden "On Chaadayev", The Russian Review, vol. 42, no. 4, Oct., pp. 409–416.

Leontiev, Konstantin (1969) Against the Current: Selections from the Novels, Essays, Notes, and Letters of Konstantin Leontiev, Ed. George Ivask, Trans. George Reavey, Weybright and Talley, New York.

Losev, Lev V. (2006) Joseph Brodsky: the Essay of Literary Biography, Molodaya gvardiya, Moscow (in Russian).

Roberts, Spencer U. ((1968) Essays in Russian Literature. The Conservative View. Leontiev, Rosanov, Shestov. Spencer Ungers Roberts, Ohio Universinene Press.

Сведения об авторе

ЧЕРВЯКОВ Николай Александрович – магистр кафедры истории русской философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Author's Information

CHTRVYAKOV Nikolay A. – Master, Department of History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.